

Газ обетованный

Израиль стал «газовой страной» не только потому, что нашел месторождения, а потому, что решился его добывать

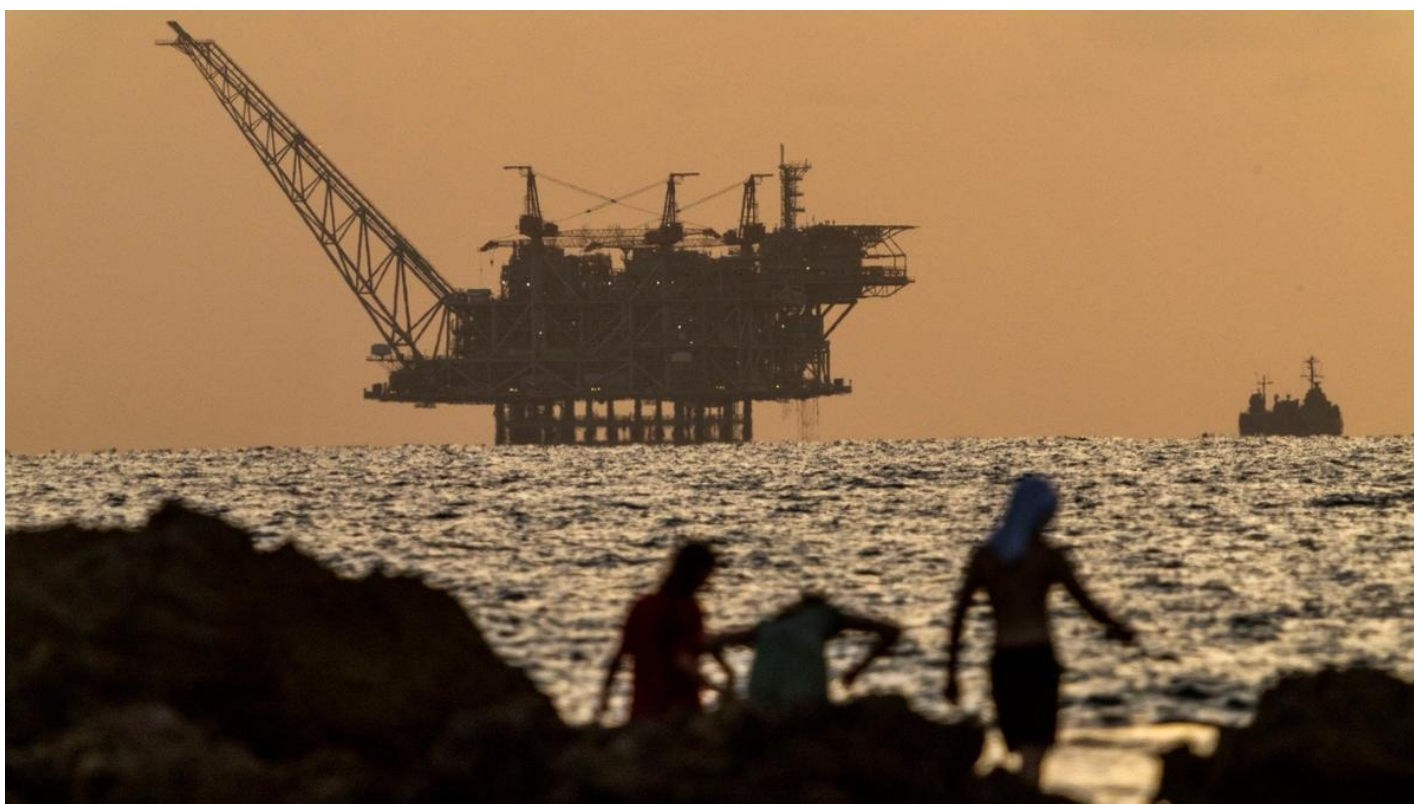

Фото: AP / TASS

14:37, 23 декабря 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Есть два вида «газовой истории».

Первая — геология: повезло, нашли.

Вторая — политика. Точнее, много политики... Тема добычи газа в Израиле и прежде вызывала острые споры, хотя до очевидного раскола общества не доходило. Правительство Нетаньяху в 2010 году обвиняли в том, что оно преувеличивает значение газовых месторождений и их потенциальную оценку, что олигархи при власти разворовывают страну, что правительство отдает лицензии на добычу иностранным компаниям-монополистам, не оставляя газ для собственных нужд.

В 2010 году целью оппозиции и либеральных элит было доказать, что газовый проект — это фикция и что правительство обманывает граждан. Многочисленные демонстрации, акции протеста (этот навык оппозиция и либеральные элиты используют через 13 лет, в период судебной реформы) предшествовали эпохе газовой независимости страны.

Государство Израиль рискнуло, отстояло, построило и превратило газовый ресурс в инструмент влияния. Прошло 16 лет, и вот — декабрьская новость о крупнейшем экспортном контракте с Египтом, который не только про кубометры, а про новую архитектуру региона, где инфраструктура и инвестиции становятся чем-то большим, чем просто решение коммерческих и экономических задач.

Беньямин Нетаньяху. Фото: Imago / TASS

Подготовленный фундамент

Открытие месторождений «Тамар» и «Левиафан» в 2009–2010 годах (сегодняшняя оценка — 300–400 и 600–650 млрд м³ соответственно) — своего рода обнаружение сундука под собственным домом. Общественная дискуссия велась не вокруг вопроса «золото ли там?», а вокруг того, «имеем ли мы право тратить его сейчас?». Спор шел о трех основных вещах:

- «экспорт vs сохранить и оставить себе»: какой объем резервировать под будущие поколения;
- «монополии vs конкуренции»: как ограничить власть консорциумов и защитить израильского потребителя;
- «безопасность vs выгоды»: насколько рискованно завязывать экспорт на соседей (Египет и Иорданию), где политический и военный ландшафт нестабилен и неясен экономический потенциал (на тот момент Египет не проявлял интереса, а Иордания получала газ из Катара).

Внутренний политический конфликт, борьба с регуляторикой, разрешениями на экспорт и построением инфраструктуры создали те условия, при которых сегодня стало возможным масштабирование экспортных поставок на 130 млрд м³ до 2040 года (объемы, оговоренные в газовой сделке Египта и Израиля). Израиль заранее подготовил регуляторный и инфраструктурный фундамент, еще до того, как конфликт «РФ — Украина» превратил газ в дефицитную геополитическую валюту.

Тройная независимость

Рост добычи газа дал Израилю независимость сразу на трех уровнях.

Деньги

Контракт с Египтом — долгосрочный денежный поток: публичные оценки сделки около 35 млрд долларов США за весь объем, существенная часть которых трансформируется в налоговые поступления, роялти и взносы в национальный фонд Citizens of Israel Fund (по итогам 2024 года его активы достигали около \$2,08 млрд, а поступления за год — около \$417 млн). Консорциум Leviathan уже планирует многомиллиардные инвестиции в расширение добычи и инфраструктуры под этот контракт, включая новый газопровод и бурение дополнительных скважин.

Энергетическая устойчивость

Собственный газ позволил Израилю постепенно перейти на газовую генерацию и резко снизить зависимость от импорта угля и мазута, а также от внешних шоков на нефтяном рынке. Стоимость энергии на внутреннем рынке заметно ниже стоимости в Европе. В 2024–2025 годах из-за зашкотов и нестабильности Израиль ограничивал экспорт и возобновлял его поэтапно, исходя из приоритета внутреннего рынка

(практическая реализация принципа «Израиль — приоритет, затем партнеры»), при этом ежегодная энергетическая потребность Израиля — около 14 млрд м³, что составляет примерно 1,5% от разведанных запасов.

Стратегия

Газ становится «якорем» отношений: когда твой ресурс встроен в энергобаланс соседа, разговор с тобой перестает быть опцией и становится необходимостью. Израильский газ теперь — часть «нервной системы» египетской экономики, а Египет — главный коридор для выхода израильского газа в виде СПГ на внешние рынки, включая Европу: 1/3 израильского газа, экспортируемого в Египет, идет в Европу (таким образом, Европа также попадает под частичное влияние данной сделки).

Если раньше Израиль жил, как «вилла в джунглях» на арендованном генераторе, зависимый от внешнего топлива, то теперь он стоит на собственной мини-электростанции и одновременно продает часть мощности соседям (правда, только тем, которые тоже озадачились обустройством своих домов).

Вынужденная зависимость Египта

В офисе президента Египта. Макет месторождения «Зохран». Фото: Zuma / TASS

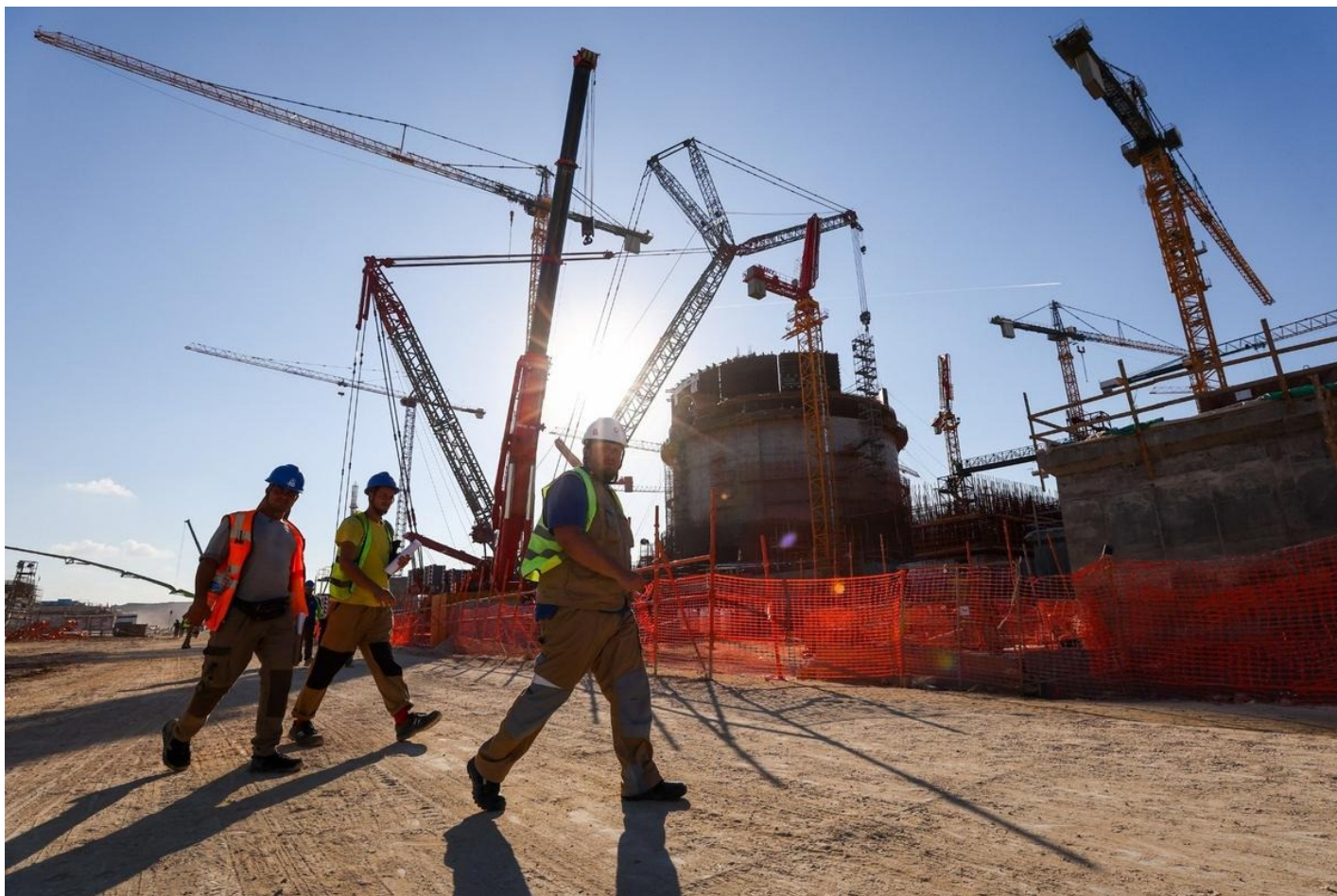
Египет долгое время был самостоятельным газовым хабом и относился к израильскому газу, как к любому коммерческому и экономическому соглашению с Израилем, как к политически токсичному варианту. Кроме того, в 2027 году Египет запускает проект АЭС «Эль-Дабаа» (первая египетская АЭС мощностью 4,8 ГВт), что должно еще больше укрепить его энергетический суверенитет. Но сочетание геологии, спроса, ошибок в эксплуатации и инфраструктурных ограничений превратило израильский газ из нежелательной опции в вынужденную необходимость.

Как образовался дефицит:

- На месторождении «Зохран», которое являлось основой экономики Египта, резко ухудшилась добыча газа из-за прорыва воды. Таким образом, к 2024 году суточная добыча упала вдвое по сравнению с добычей 2019–2021 годов, а потенциальные запасы были пересмотрены и уменьшились почти на 35%.

- По последним оценкам, добыча Египта упала примерно с 70+ млрд м³ в 2021 году до порядка 50 млрд м³ в 2024-м, притом что внутреннее потребление находится на уровне около 70 млрд м³ в год и продолжает расти.
- Разрыв в объемах закрывался за счет трубопроводного импорта и закупок СПГ в основном из Катара, причем импорт СПГ в 2024 году достиг максимума за семь лет как по объемам, так и по цене.
- Недозагрузка собственных СПГ-терминалов: без дополнительного газа (из Израиля и потенциально из Кипра) Египет теряет роль регионального экспортного хаба и валютную выручку.
- Проект АЭС «Эль-Дабаа» запускается постепенно: в 2027–2030 годы он закроет энергетические потребности Египта на 10–15%.

Как результат — перебои с поставками напрямую бьют по промышленности и энергетике. Без израильского газа Египет все чаще сталкивается с веерными отключениями, ростом социальной напряженности и потерей статуса и репутации экспортера СПГ.

Египет. Провинция Матрух. Площадка строительства АЭС «Эль-Дабба». Фото: Александр Рюмин / ТАСС

Сделка win-win, но не без мин

На уровне экономических интересов сделка выглядит как классический win-win.

Что получает Израиль:

- контракт исторического масштаба: примерно 130 млрд м³ до 2040 года стоимостью около 35 млрд долларов;
- устойчивый экспортный рынок, разгружающий избыток добычи и привлекающий инвестиции в инфраструктуру и дальнейшую геологоразведку;
- усиление статуса регионального энергетического узла и косвенного поставщика газа в Европу через египетские СПГ-терминалы.

Что получает Египет:

- быстрый и масштабируемый ресурс для электроэнергетики и промышленности;
- возможность поддерживать и наращивать роль газового хаба, а значит, возможность поддерживать валютную выручку от экспорта СПГ;
- снижение зависимости от дорогого спотового СПГ в периоды кризисов.

Но под этим «мостом взаимной выгоды» есть мины:

- Для реализации сделки нужно не только «подписать контракт», но и расширить инфраструктуру: увеличить добычу на «Левиафане», расширить пропускную способность газопровода, построить сухопутный газопровод Nitzana.
- Любая серьезная эскалация в регионе, атаки на инфраструктуру в море или на Синае, остановка добычи немедленно бьют по поставкам и прежде всего по Египту как зависимому импортеру.
- Египетские власти публично подчеркивают, что сделка «строго коммерческая» и «не политическая», что само по себе сигнализирует: тема чувствительна и легко превращается в объект критики и дает рычаги исламской оппозиции.
- Контракт построен жестко: принцип take-or-pay, обязательства покупателя (компании Blue Ocean, связанной с египетскими госинтересами) де-факто гарантированы государством, и именно Египет несет основной риск при платежных сбоях. Для Израиля это означает относительно защищенный денежный поток, а для Египта — долговой «обруч», который фиксирует его в роли долгосрочного покупателя израильского газа.

Работа над ошибками

После Кэмп-Дэвида (1979 год) энергетика уже становилась частью «пакета безопасности»: тогда Израиль возвращал Египту Синай и ключевые нефтяные объекты, а Египет обещал

обеспечивать Израилю доступ к нефти. Но нефтяная сделка оказался недолговечной:

- Израиль смог относительно безболезненно перейти на альтернативных поставщиков, тогда как Египет нашел других покупателей;
- убийство Садата и рост антиизраильских настроений сделали специальные энергетические схемы токсичными для нового руководства Египта;
- экономическая стоимость отказа была управляемой: инфраструктура легко перенастраивалась, а безопасность Израиля обеспечивалась внешними гарантиями и диверсификацией поставок.

Урсула фон дер Ляйен, Тарек Эль-Молла, Карин Эльхаррар. Фото: AP / TASS

Позже, уже в эпоху «арабской весны», эта логика повторилась: египетский газовый контракт с Израилем через Синайский трубопровод был прерван после серии диверсий и политического давления пришедших к власти «братьев

мусульман», что стало символом «холодного мира» во всех смыслах.

При этом нынешняя конфигурация принципиально иная:

- тогда Израиль зависел от египетской нефти и газа, теперь Египет зависит от израильского газа;
- нефть легко заменялась на мировом рынке, газовая инфраструктура (трубопроводы, египетские СПГ-заводы) специфична и тяжело воспроизводима;
- отказ от поставок сегодня бьет прежде всего по энергосистеме и платежеспособности Египта, а не по израильской безопасности снабжения.

Если прежний нефтяной проект был буксировочным тросом, который не выдержал политического противостояния, но не нанес значительного ущерба, то нынешняя газовая связка выглядит как вживленный имплант в тело египетской экономики: удалить его можно, но это очень дорогостоящая операция с угрозой для здоровья.

Военно-политический эффект

Газовая взаимозависимость не станет гарантом мира между странами, но резко повысит цену эскалации. В официальной риторике Израиль подает сделку как фактор региональной стабильности, подчеркивая, что долгосрочная энергетическая кооперация с Египтом укрепляет мирный договор и создает стимулы к сдержанности. Несмотря на эти заявления в процессе переговоров по газовой сделке, Израилю не удалось добиться даже частичного вывода египетских войск с территории Синайского полуострова, нахождение которых на другой стороне Суэцкого канала является прямым нарушением мирного договора 1979 года.

Для Египта газовая зависимость от Израиля накладывается на

роль одного из ключевых посредников по Газе и на острую внутреннюю потребность в энергии:

- любое длительное прерывание поставок грозит отключениями, социальными протестами, ударом по промышленности и в конечном счете угрозой режиму;
- у Каира появляется дополнительный мотив удерживать конфликты (включая палестинский) в управляемых рамках и не допускать сценариев, при которых инфраструктура или импорт окажутся под угрозой. В том числе появляется мотивация обеспечения контроля за границей с Газой.

Для Израиля зависимость Египта от его газа — дополнительный рычаг влияния, ограничивающий вероятность радикального ухудшения отношений или выхода Каира из мирного договора даже при сохраняющихся нарушениях мирного договора по статусу Синай как демилитаризованной зоны.

В региональном плане сделка частично вытесняет Катар как потенциального поставщика газа Египту и снижает политическое влияние Катара, поддерживающего египетскую оппозицию — «братьев мусульман», — одновременно укрепляя ось «Израиль — Египет — Европа» через египетские СПГ-заводы, что повышает статус Израиля как энергетической державы.

Но чем шире и важнее инфраструктура, тем она уязвимее: морские платформы, газопроводы через Синай и ключевые узлы становятся потенциальными целями — от диверсий до ракетных угроз. В перспективе сделка повышает вероятность крупной войны между Египтом и Израилем, но не устраняет локальных конфликтов вокруг Газы и в регионе. Это скорее дополнительный слой бетона под архитектурой сдерживания, которая не стала крепче.

Беньямин Нетаньяху (в центре). Фото: itago / Xinhua

Формирование новой энергетической оси

Сделка вписывается в более широкий переключатель региональной энергокарты.

- **Кипр.** Кипр много лет добывает газ на своем шельфе, но гораздо медленнее превращает его в капитал: коммерциализация затянулась в том числе из-за провала проекта EastMed. Усиление маршрута «Израиль — Египет — СПГ — Европа» делает вариант «Кипр — Египет — СПГ» более реалистичным и политически поддержанным. Кипр уже подписывает соглашения и рамочные договоренности по экспорту газа в Египет, а Chevron и партнеры готовят морские исследования трассы трубопровода.
- **Катар.** Катар остается глобальным «королем СПГ» и ключевым поставщиком для Европы и Азии, но в узком египетском контексте его роль как «пожарной команды» снижается: чем больше Египет закрывает дефицит

трубопроводным газом из Израиля, тем меньше он вынужден обращаться к дорогому споту. Катар остается инвестором и партнером в геологоразведке, в том числе через участие в кипрских проектах, но его влияние на политику Египта снижается.

- **Турция и Греция.** Проект EastMed (Израиль/Кипр — Греция — Европа) долго был не только трубой, но и символом альтернативного маршрута, обходящего Турцию. На бумаге его техническая осуществимость подтверждалась, но экономика и геополитика (в том числе события после Седьмого октября) мешали его запуску. На этом фоне усиление Египта как хаба делает ставку на его СПГ — мощности более рациональной, чем строительство дорогого и политически конфликтного газопровода.

Это усиливает блок «Египет — Кипр — Греция» как «восточно-средиземноморскую ось», в которую встроены и Израиль, и одновременно раздражает Турцию, для которой проекты «в обход» ее транзитной роли воспринимаются как вызов. Греция же получает дополнительные аргументы в пользу своей роли «ворот» газа Восточного Средиземноморья в ЕС, увязывая греческие терминалы и интерконнекторы с потоками из Египта и Израиля.

Нужен ли Израилю собственный СПГ и прямой выход в Европу

На фоне затяжного конфликта «РФ — Украина» и европейской стратегии отказа от российского газа у Израиля логично возникает вопрос: строить ли собственные СПГ — терминалы выходить напрямую на рынки ЕС, конкурируя в том числе с Египтом?

Аргументы «за»:

- прямой доступ на рынки Европы и Азии без транзитного

риска египетской инфраструктуры;

- захват большей части цепочки добавленной стоимости — от пласта до регазификации;
- закрепление статуса Израиля как самостоятельного энергетического партнера ЕС, а не только поставщика сырья для египетского СПГ;
- расширение спектра потенциальных покупателей, а следовательно, возможности увеличить свои доходы и политическое влияние.

Аргументы «против» и ограничения:

- колоссальный CAPEX и многолетний цикл строительства, уязвимость прибрежной и морской инфраструктуры в условиях региональных угроз;
- для окупаемости крупного СПГ-проекта нужны либо значительно расширенные доказанные запасы, либо перераспределение газа в ущерб поставкам в Египет;
- потенциальное ослабление нынешней оси с Египтом: чем больше Израиль будет уводить газ в собственный СПГ и прямой экспорт в ЕС, тем меньше сырья останется для загрузки египетских мощностей и тем чувствительнее станет Каир к этому перераспределению.

Возможная поэтапная стратегия для Израиля:

- расширить добычу Leviathan и других месторождений, чтобы довести экспортную инфраструктуру до устойчивого уровня;
- параллельно диверсифицировать портфель партнеров-покупателей и возможных маршрутов (рассмотреть новые долгосрочные контракты), чтобы избежать зависимости от одного «хаба»;
- рассмотреть модульные СПГ-решения, возможно, крупные проекты, если ресурсная база и политическая конфигурация подтвердят их коммерческий и политический смысл.

На 2024 год Израилем и его партнерами открыты и разрабатываются месторождения «Кариш» и «Танин» с общей оценкой около 70 млрд м³, а также продолжается разведка других месторождений. По оценке USGS по **Levant Basin Province** (это месторождение в целом, включающее территориальные и экономические воды не только Израиля, но также Кипра и Ливана), средняя оценка неоткрытого извлекаемого газа — около 122 TCF, или **3,5 трлн м³**.

Главный урок от «нефти после Синая» до газового разворота 2012 года остается прежним: энергетика не спасает от политики. Но она делает политику более рациональной и предсказуемой, если обе стороны понимают цену разрыва. В этом смысле газ сегодня действительно становится новой валютой суверенитета — и для Израиля, и, парадоксальным образом, для Египта, который вынужден покупать этот суверенитет в кубометрах.

Ариэль Басс